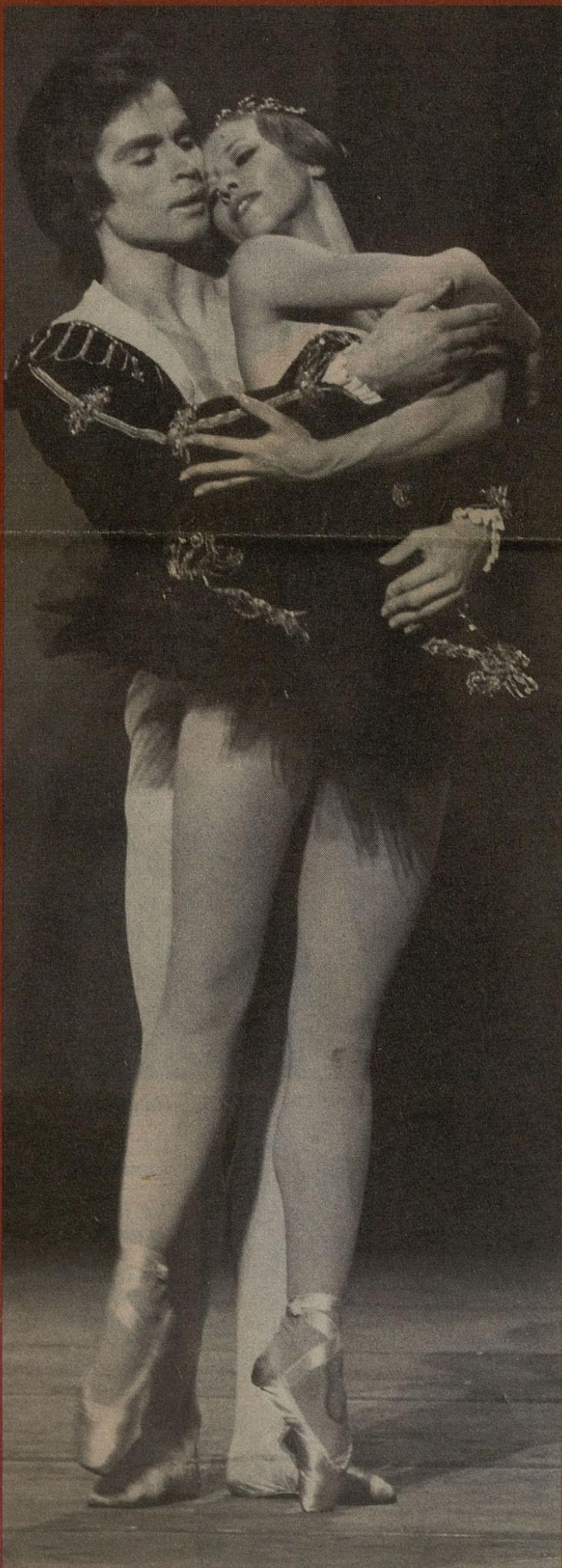

В МАРТЕ великому танцовщику Рудольфу Нуриеву исполнилось бы 65 лет. Специально для "Суперзвезд" о нем рассказывает известный телеведущий, доктор искусствоведения, театровед Виталий ВУЛЬФ:

РУДОЛЬФ НУРИЕВ С МЕЧТОЮ О СМЕРТИ. НА СЦЕНЕ

- Слухи о том, что Кировский балет собирается на гастроли в Париж, ползли по театру. Нуриев не верил, что его возьмут. Париж был мечтой. На дворе стояла весна 1961 года. Театр готовился к гастролям, говорили, что после Парижа поедут в Лондон. Все было неясно.

11 мая 1961 года труппа Кировского балета вылетела в Париж.

КОСМОНАВТ ПО ИМЕНИ РУДОЛЬФ

СПУСТЯ десять дней Нуриев впервые вышел на сцену Парижской оперы: шла "Баядерка", Солор была его любимой партией. Его божественную пластичность отметили сразу. "Кировский балет нашел своего космонавта, его имя Рудольф Нуриев", - писали газеты. Вокруг него толпились поклонники. Он подружился с Клэр Мотт и Аггилио Лабисом - звезды французского балета мгновенно оценили его редкий дар. И особенно с Кларой Сент, обожавшей балет и постоянно крутившейся за кулисами Оперы. Именно ей суждено было сыграть особую роль в его судьбе. Она была помолвлена с сыном министра культуры Франции Андре Мальро, и связи ее в высших сферах были необъятны. Клару он прежде всего повел смотреть свой любимый балет - "Каменный цветок" в постановке Юрия Григоровича, сам он в нем не был занят. Григоровича в Париж не пустили, а Нуриев очень высоко ценил его балетмейстерский талант.

Вел он себя вольно, гулял по городу, засиживался поздно в ресторанчиках на Сен-Мишель, в одиночестве отправился слушать Иегуди Менухина (он играл Баха в зале Плейель) и не считался с правилами, внутри которых существовали советские танцовщики.

У Клары Сент случилась беда: Винсент Мальро, уехав на юг на несколько дней, разбился насмерть в автомобильной катастрофе. Это еще больше сблизило их. Имея множество знакомых в Париже, Клара Сент была, в сущности, одиноким человеком: она бежала из Чили и всем своим существом понимала состояние Нуриева, странного, нелюдимого юношу родом из Башкирии, оказавшегося в центре внимания парижской светской толпы. Все, что произошло в аэропорту Ле-Бурже в тот далекий день, 17 июня 1961 года, в Париже, лучше всего описал сам Нуриев в "Автобиографии": "Я принял решение потому, что у меня не было другого выбора. И какие отрицательные последствия этого шага ни были бы, я не жалею об этом".

Газеты наперебой на первых страницах давали громкие заголовки: "Звезда балета и драма в аэропорту Ле-Бурже", "Прыжок в свободу", "Девушка видит, как русские преследуют ее друга". Этой девушкой была Клара Сент. Ей он позвонил из полицейского участка, но она просила его к ней не приходите, так как около ее дома шныряли советские агенты, их легко было узнать - все они были одеты в одинаковые дождевые плащи и мягкие велюровые шляпы.

Вначале Рудольфа поместили в доме напротив Люксембургского сада, в одной русской семье. Друзья навещали его. Газеты писали, что он "выбрал свободу", и детализировали события в аэропорту. Если бы ему не предложили улететь в Москву, ничего бы не произошло. Его решили наказать, хотя вещи были упакованы и находились в багаже, отправлявшемся в Лондон. Что из этого вышло, теперь знает весь мир. Надо было начинать новую жизнь.

На деле "мир свободы" оказался удивительно сложен. Повсюду его сопровождали два детектива. Режим дня был распisan строго по минутам, опасались акций со стороны советских спецслужб: класс, репетиции, ленч в соседнем ресторанчике и дом.

ГРАЖДАНИН МИРА

БАЛЕТНАЯ труппа маркиза де Кузваса, принявшая его к себе, вселяла надежду, что он бу-

дет танцевать все, что захочет. Но ситуация, в которой он оказался, только способствовала депрессии - не было занятий, к которым он привык, не было привычной дисциплины, создавшей жизнь тела, без которой нельзя было стать идеальным мастером танца, к чему он стремился. Здесь царил посредственность и дурной вкус, хороших танцовщиков было мало.

Выяснилось, что он очень мало знал о западной жизни и западном балете. Ему казалось, что этот мир великолепен, теперь он столкнулся с реальностью: слабые школы, ремесленное исполнение. Молодой человек становился скептиком. Сразу был заключен шестимесячный контракт с труппой маркиза де Кузваса. 23 июня, через шесть дней после того как он остался, он уже танцевал Голубую птицу в "Спящей красавице", месяц назад он танцевал ее с труппой Кировского балета на сцене Парижской оперы. На следующий день выступил в партии принца в той же "Спящей красавице". То был пролог к будущему. Он становился гражданином западного мира, отрывая себя от того, что было позади. Здесь, в труппе маркиза де Кузваса, все было иначе.

Не было привычной атмосферы, традиций, к которым привык. Порой его охватывало отчаяние: не сделал ли он ошибки? Советское посольство переслало ему телеграмму от матери и два письма: одно от отца, другое от его педагога Александра Ивановича Пушкина. Пушкин писал ему, что Париж - декадентский город, что если он останется в Европе, то потеряет моральную чистоту и, главное, техническую виртуозность танца, что надо немедленно возвращаться домой, где никто не может понять его поступка. Письмо отца было коротко: сын предал Родину, и этому нет оправдания. Материнская телеграмма была еще короче: "Возвращайся домой".

Пройдет двадцать семь лет, и прославленный во всем мире Рудольф Нуриев придет в Уфу попрощаться с умирающей матерью. Потом, чувствуя приближение собственной смерти, уедет в Ленинград и на сцене Кировского театра станцует "Сильфиду". То было уже новое время, Ленинград становился Санкт-Петербургом, Кировский театр - Мариинским. Публика в зале безумствовала, а танцевать он уже не мог, и овации относились к прошлому, ко всей его легендарной жизни на Западе, которая началась в тот жаркий июнь 1961 года.

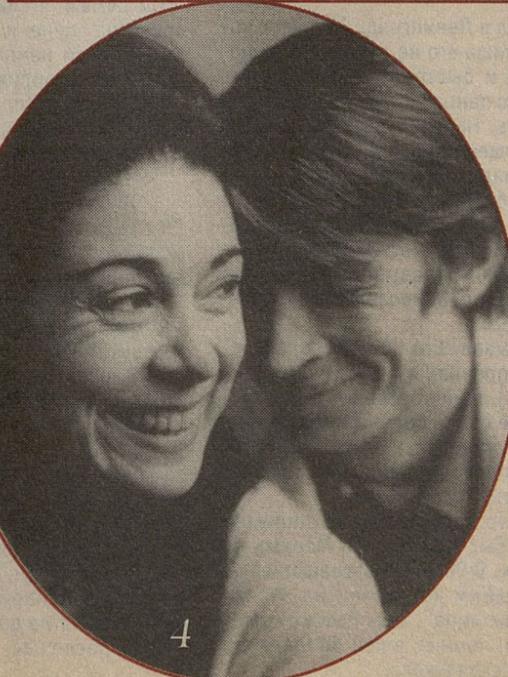
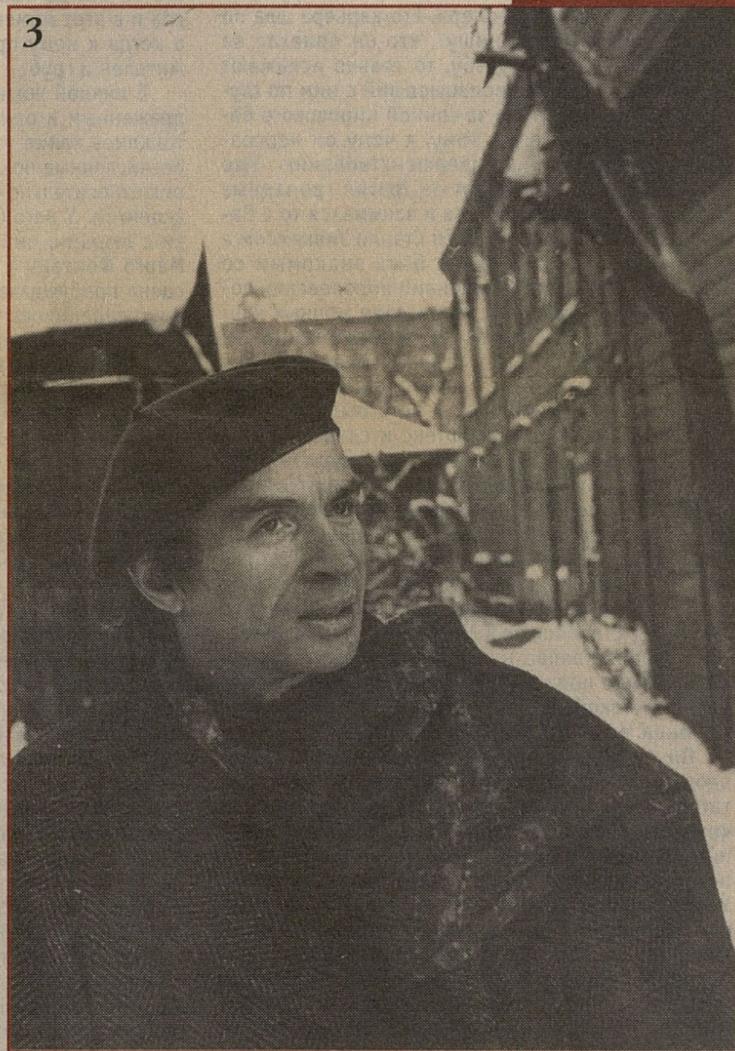
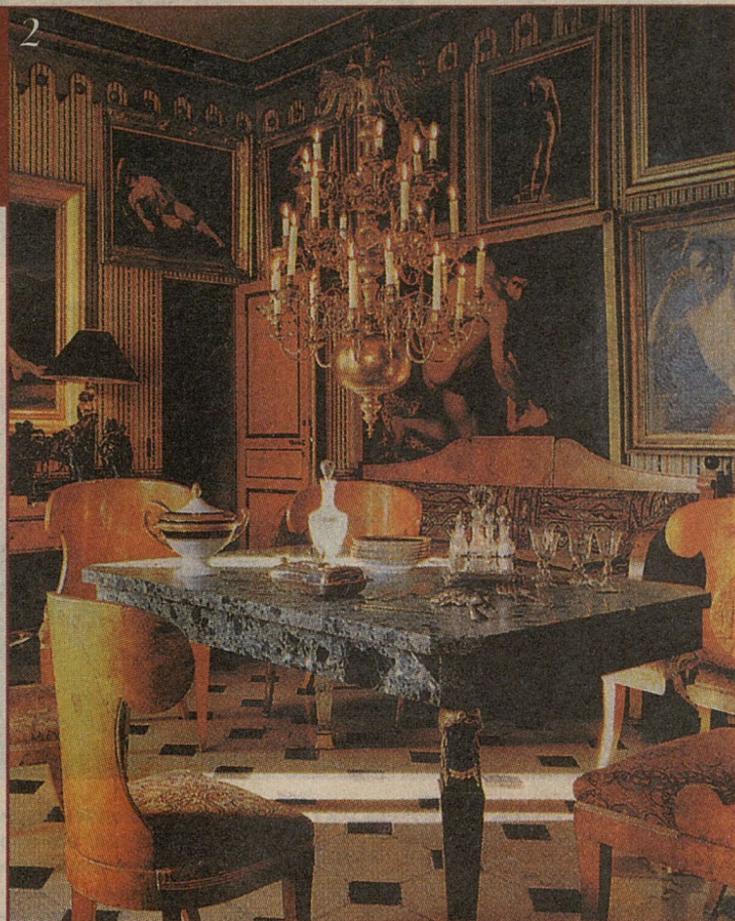
Нуриев танцевал в Довилле, в Биаррице, на маленьких сценах в маленьких театрах, вылетел во Франкфурт для выступления по телевидению и затем отправился в Копенгаген, чтобы взять уроки у Веры Волковой.

В Копенгаген его тянула мечта встретиться с Эриком Бруном, выдающимся танцовщиком, покорившим русского зрителя во время гастролей Американского балетного театра в 1960 году. Ирина Колпакова однажды в разговоре со мной призналась, что никогда не видела столь совершенного классического танцовщика, как Эрик Брун. Нуриев был увлечен им, его манерой, элегантностью, классичностью его искусства, человеческими качествами. Эрик Брун был старше Рудольфа на десять лет. Фотография Эрика всегда стояла у него на столе. Даже после смерти знаменитого датского танцовщика Нуриев никогда его не забывал - слишком много он значил в его жизни.

Дружба с Верой Волковой привела его к встрече с Марго Фонтейн, ее ученицей. Однажды в квартире Волковой раздался телефонный звонок. Марго Фонтейн просила подойти к телефону Рудольфа и предложила ему приехать в Лондон выступить 2 ноября 1961 года в Королевском театре в гала-концерте. Марго Фонтейн вот уже несколько лет была президентом Королевской академии танца и начиная с 1958 года организовывала раз в год гала-концерт. Она мечтала пригласить Уланову, но Галина Сергеевна в декабре 1960 года в последний раз

116). 03.03.03
Нуриев Рудольф

22

1
вышла на сцену Большого театра в "Шопениане" и от предложения Фонтейн наотрез отказалась. Теперь Фонтейн решила пригласить Нуриева. Он был польщен. Конечно, ему хотелось танцевать с ней, но она несла обязательства перед своим прежним партнером, английским танцовщиком Майклом Сомсом. Было решено, что Нуриев станцует соло, поставленное специально для него Фредериком Аштоном, и па-де-де из третьего акта "Лебединого озера" с Розеллой Хайтауэр.

Он вылетел в Лондон. Остановился в панамском посольстве - муж Марго Фонтейн был послом Панамы в Англии. "С первой секунды я понял, что встретил друга. Это был самый светлый момент в моей жизни с того дня, как я оказался на Западе", - писал он впоследствии. Лондон произвел на него сильное впечатление. Он приехал под вымышленным именем Роман Джасмин, спасаясь от прессы. В Королевской балетной школе представился как польский танцовщик, но его быстро узнали. В панамском посольстве был дан прием в его честь. Он показался замкнутым, самоуверенным и довольно обаятельным. Выглядел как мальчик, да и было ему 23 года. Выступление в Лондоне стало сенсацией. Это было началом его блистательной карьеры.

Марго Фонтейн было в это время сорок два года. Когда-то она объявила, что уйдет со сцены в тридцать лет, с годами это забылось. Теперь она была встревожена проблемой партнера. Майкл Сомс покинул сцену, Дэвиду Блэру, кого она избрала, было 29 лет. С ним она собиралась танцевать "Жизель" в феврале 1962 года. Посоветовавшись с мужем, она решила предложить партию Альберта Рудольфу Нуриеву. Спектакль должен был состояться 21 февраля.

У него был странный режим в еде: любил бифштекс и сладкий чай с лимоном и ел скорее как атлет, чем гурман.

БАЛЕТНЫЙ ФРЭНК СИНАТРА

ВСЕ понимали, что происходит нечто экстраординарное, что зрители присутствуют при рождении новой балетной пары, которой суждено стать вехой в мире балета. Нуриева сразу пригласили в труппу Королевского балета, чего не удостоивался ни один танцовщик, если он не был гражданином Британской империи.

Благородство и лирическая сдержанность обычно отличали танец Марго Фонтейн. С Нуриевым она испытала новые чувства. Она говорила: "Когда я танцую с ним, я не вижу на сцене Нуриева, кого знаю и с кем общаюсь каждый день, я вижу сценический персонаж, тот характер, который сегодня танцует Нуриев".

Дуэт Марго Фонтейн и Рудольфа Нуриева прославил их обоих. После "Лебединого озера" в Венской опере в октябре 1964 года их вызывали на сцену восемьдесят девять раз. Рабочим сцены пришлось платить дополнительную зарплату, поскольку они не могли разбирать декорации и задерживались в театре. Каждый порознь не мог бы добиться того, чего они добились вместе. На сцене их дуэт был динамитом, взрывавшим зрительный зал. Анна Павлова - символ балета, Карузо - символ певца-тенора. Фонтейн и Нуриев стали звездами сами,

добившись успеха своим трудом и талантом, но в отличие от своих великих предшественников они были любимцами и "мира кафе", толпы тех, кто достаточно богат, чтобы проводить время в "светской жизни". Пресса сравнивала их имена с именами Фрэнка Синатры и Брижит Бардо.

Школа русского балета, ее достижения были налицо. Природа наделила Нуриева недюжинным умом, очень быстро он стал разбираться в законах западной жизни. Знал, кому и когда надо давать интервью, а кому нет. Спустя два года после того, как "выбрал свободу", он уже наловчился по-разному отвечать на вопросы, которые ему задавали журналы "Тайм" и "Ньюсуик". Оба хотели поместить о нем большие статьи-интервью. Он понимал, что, если даст интервью одному журналу, откажется другой, поэтому умудрился в один день, в день спектакля, посетить два приема, на обоих встретиться с прессой, и так называемые "кавер-стори" о нем появились одновременно в двух журналах тиражом в пять миллионов каждый. Сенсация была велика. Имя Нуриева входило в зону массового сознания, оно уже не принадлежало только миру балета.

С ним были также связаны и скандалы, они, как известно, входят составным элементом в то понятие, которое обозначается словом "звезда". В 1965 году западный мир облетела весть, что на приеме в Сполето Нуриев швырнул бокал с вином и залил им белую стену. Одни журналы писали, что это было не вино, а виски, стакан с которым он в раздражении бросил на пол, другие подробно описывали, как была залита стена. На самом деле очевидцы рассказывали, что Нуриев случайно уронил бокал.

Однажды на приеме в присутствии королевской семьи в Лондоне он танцевал соло, ему

жали туфли - он спокойно сбросил их и продолжал танцевать босиком. Этого бы не мог себе позволить ни один танцовщик. Рудольф мог быть очень груб с дирижерами, партнерами, продюсерами, сам поддерживая и подчеркивая слухи, распространяемые о его ужасном характере. Но работал как вол, и никто в балете не мог сравниться с ним трудоспособностью и профессиональной дисциплиной. Часами он занимался в классе, в репетиционном зале, без усталости работая и после спектакля.

Нуриев умер 6 января 1993 года, Франция хоронила его. Траурная церемония длилась один час. Солисты Гранд-опера подняли гроб по лестнице и поставили его на верхней площадке. Нуриев лежал в гробу в вечернем костюме и в чалме. Во время гражданской панихиды в здании Гранд-опера играли Баха, Чайковского, артисты читали на пяти языках Пушкина, Байрона, Гете, Рембо, Микеланджело - такова была его предсмертная воля. Похоронили Нуриева под Парижем, на русском кладбище Сен-Женевьев де Буа. На Западе было прожито тридцать два года. За эти годы его безоговорочно признал мир - балетный, театральный, массовый. Слава его, единственная в своем роде, затмевающая иные имена, после смерти превратила его жизнь в легенду.

На фото:

1. Два солиста Кировского: Рудольф Нуриев и Михаил Барышников.

2. Квартира Нуриева в Париже.

3. Уфа, 1987 г. Во дворе дома, где жила семья Нуриевых.

4. Балетный дуэт: Марго Фонтейн - Рудольф Нуриев.

5. Могила Нуриева покрывает персидский ковер.